

УДК 801.8

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-137-150

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В КОНТЕКСТЕ ДРАМЫ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО РОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЬЕС)

Шипова И. А.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в рассмотрении текстов литературного рода драмы на предмет актуализации в них лингвистических маркеров разговорной речи.

Процедура и методы. В статье рассмотрены текстовые фрагменты драматических произведений немецкоязычных авторов, созданные в течение почти трёх столетий, с использованием метода контекстуального и сопоставительного анализа и с привлечением данных лингвистики текста, синтаксической стилистики, материалов из области литературоведения. Анализ проводится на уровне синтаксической организации языковой системы в тексте в диахроническом ракурсе, что позволяет показать, насколько устойчивы характеристики разговорной речи с течением времени, и сравнить прагматические задачи, для решения которых эти элементы используются авторами немецкоязычных драматических текстов в различные исторические эпохи.

Результаты. Диахронический подход к исследованию изменений в характеристиках разговорного стиля речи в текстах драматических произведений позволил раскрыть ряд интересных закономерностей как в области лингвистики текста вообще, так и в сфере рассмотрения названных текстов, в частности.

Теоретическая и/или практическая значимость материалов статьи заключается в выявлении тех возможностей, которые даёт использование типичных элементов разговорной речи в драматических текстах, и в описании их прагматических функций. Предлагаемая работа может служить для лингвистов наглядным примером практического анализа одного из видов художественного текста.

Ключевые слова: драматический литературный род, имитация разговорной речи, повтор, парантез, эллипсис, апозиопезис, анаколюф

COLLOQUIAL SPEECH IN THE CONTEXT OF DRAMA AS A LITERARY GENRE (BASED ON GERMAN-LANGUAGE PLAYS)

I. Shipova

*Moscow Pedagogical State University
1 build. 1 ulitsa Malaya Pirogovskaya, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article analyses the texts of the literary genre of drama for the actualization of linguistic markers of colloquial speech in them. The focus is on the level of the syntactic organization of the language system in the text in a diachronic perspective, which makes it possible to show how stable the characteristics of colloquial speech are over time, and to compare the pragmatic tasks for the

solution of which these elements are used by the authors of German-language dramatic texts in different historical eras.

Methodology. The article examines fragments of dramatic works of German-speaking authors, created over almost three centuries, which illustrate the variety of techniques for the textual implementation of elements of colloquial speech. To solve the set tasks, the method of contextual and comparative analysis was used with the involvement of data from the linguistics of the text, syntactic stylistics, and texts of literary criticism.

Results. The diachronic approach to the study of changes in the characteristics of the spoken style of speech in the texts of dramatic works made it possible to reveal a number of interesting regularities both in the field of linguistics of the text in general, and in the analysed texts, in particular.

Research implications. The theoretical significance of the article materials lies in identifying the possibilities that the use of colloquial speech typical elements in dramatic texts gives and in describing their pragmatic functions, the proof of the validity of which was confirmed in the course of the study thanks to the rich empirical material. The practical significance of the material of the article lies in the fact that the proposed work can serve as a clear example of the analysis of one of the types of literary text with an emphasis on the syntactic component.

Keywords: dramatic literary genus, imitation of colloquial speech, repetition, parenthesis, ellipsis, aposiopesis, anacolutha

Введение

Текст драматического литературного рода априори включает в себя речь действующих в нём лиц, которая становится средством передачи содержания произведения. Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить, какое место в драме, трагедии или комедии занимает то, что в языкознании называется разговорной речью, и каковы её лингвистические маркеры. Материал исследования составляют текстовые фрагменты немецкоязычных пьес за период с 1784 по 2015 гг., а значит, решение данной задачи ведётся в диахроническом плане. Благодаря этому мы получаем возможность проследить, насколько устойчивыми остаются характеристики разговорной речи с течением времени, и сравнить те прагматические задачи, для решения которых эти элементы используются их авторами в различные исторические эпохи. Методы контекстуального и сопоставительного анализа позволяют сравнить динамику изменений в содержательных характеристиках текстового материала на уровне синтаксической стилистики с включением исследования лексических и фонетических элементов, а также некоторых данных литературоведения.

Драма как литературный род предусматривает использование речи персонажей для передачи содержания художественного произведения, в связи с чем в ней отсутствует повествование и описание как форма изложения. Вопрос анализа того, как используется функциональный стиль повседневного общения в текстах драматических произведений, относящихся к стилю художественной литературы, может рассматриваться с двух диаметрально противоположных позиций: с одной стороны, драма строится на раскрытии содержания с помощью прямой речи и, следовательно, должна с необходимостью содержать реплики, написанные в форме разговорного стиля речи, а с другой стороны, художественный текст никогда не отражает реальности в прямом смысле слова, является фикциональной субстанцией, и, значит, всегда будет оставаться авторским высказыванием и отвечать требованиям, предъявляемым к функциональному стилю художественной литературы.

Данная схема как некий абстрактный подход к вопросу реализуется в данной публикации при анализе конкретного текстового материала. При этом, однако, предпринимается попытка соединить

обе позиции и представить их в контексте исследования драматического текста на предмет наличия в нём элементов разговорного стиля речи и той интенции, которую соответствующие языковые параметры способны реализовать.

В корпус эмпирического анализа мы включили фрагменты из текстов пьес Ф. Шиллера, Г. фон Клейста, Г. Бюхнера, К. Цукмейера, Б. Брехта, П. Зюскинда и К. Кюсперта. Как бы ни был представлен этот список, он не может вместить значительную часть произведений немецкоязычной драматургии. Однако поскольку цель рассмотрения заключается ещё и в попытке проследить в диахронии, как менялся и менялся ли характер персонажных реплик в контексте драмы с точки зрения лингвистических параметров, типичных для разговорной речи, то предлагаемый обзор может дать об этом некоторое представление. Важно также показать, в чём состоит прагматический эффект их использования, есть ли в этом смысле нечто общее в данных приёмах и в достигаемом с их помощью эффекте на различных исторических этапах развития драматургии.

Драматический литературный род и реализующий его текст

Специфика драматического литературного рода обуславливает особенно реализующего его текста независимо от жанра, будь то трагедия, комедия или драма. В любой пьесе есть свои отличительные черты: во-первых, она ограничена в объёме тем, что может быть представлено на сцене. Во-вторых, насыщенность содержания диктует краткость формы, компрессию информации за счёт специфики языковых структур, интенсивность обмена репликами. В-третьих, выразительность речи реализуется через её метафоричность, часто предусматривающую элиминацию частей высказывания, которые считаются сознанием реципиента автоматически. В целом разговорный стиль в драме вписывается

в контекст повествования и позволяет имитировать реальность иногда более наглядно, чем описания эпических текстов. Об этом Клаус Бринкер пишет следующее: вскрытие правил ведения беседы в естественном ключе в текстах прошлого возможно с помощью драматических диалогов, которые предоставляют возможность реконструкции разговорной речи в те времена, когда иных способов сохранения информации не было, а драматурги стремились передать коммуникацию действующих лиц в форме естественной спонтанной речи [11, S. 14]. Однако учёный оговаривает то, что в любом случае речь идёт о некоем подражании, имеющем искусственную природу [там же].

Разговорная речь и её лингвистические параметры

При общем определении функционального разговорного стиля как некоего обобщения языковых средств в стилистическом плане он неоднороден, и, кроме различий, в литературно-разговорном и разговорно-просторечном варианте в него должны быть включены также устные способы коммуникации различных социальных, профессиональных, возрастных и гендерных групп. Поэтому более детальная классификация внутри него вполне оправдана. Однако в целом данная номинация самодостаточна хотя бы потому, что подпадает под основные признаки разговорной речи на различных языковых уровнях.

На наш взгляд, в исторической перспективе в плане языкового выражения наиболее устойчив уровень синтаксиса, поскольку лексическое наполнение гораздо активнее включает и исключает новые элементы: исторические и политические реалии, профессиональную лексику, обозначение технических новшеств, которые переходят из употребления узкой группы специалистов в общий словарный состав и т. д. Естественно также, что новые слова появляются с новыми реалиями и исчезают с их исчезновением [2, с. 289].

Система синтаксиса языка меняется значительно медленнее, и в текстах прошлых эпох можно встретить то, что для носителя языка современного общества продолжает оставаться нормой [10, с. 61]. Поэтому в ряде работ об особенностях разговорной речи мы находим характеристики её синтаксической организации, которые не меняются уже многие десятилетия. В «Лексиконе немецкой лингвистики» Х. Хенне и Х. Е. Виганда [13, S. 318] выделяются следующие позиции:

- преобладание кратких простых предложений;
- отсутствие значимых различий между гипотаксисом и паратаксисом;
- бессоюзное соединение предложений;
- повышенная частотность использования союза *-und-*;
- наличие не присоединённых к главному придаточных предложений;
- неполные предложения различных видов: эллипсис, анаколюф (фигура стилистического синтаксиса, отражающая прерывность в выражении мысли внутри предложения, что выражается через грамматическую несогласованность его членов, ведущую к логически несвязному высказыванию), апозиопезис (фигура стилистического синтаксиса, в которой намерено опускаются детали высказывания, что порождает недосказанность, незавершённость речи), парцеллат и др.;
- повышенная частотность использования модальных частиц и слов-паразитов;
- частотное использование зарамочных присоединительных конструкций и антиципации (предшествования местоимённого обозначения замещаемого этим местоимением слову);
- повышено частотное использование вводных предложений (парантез).

Отметим также в разговорной речи наличие повторов различного типа (как отдельных членов предложений, так и его фрагментов, различных клишированных словосочетаний), а также перефразиро-

вание начатого высказывания в виде самокоррекции [12, S. 296].

Кроме перечисленных явлений синтаксиса немецкого языка, нельзя не назвать типичных для разговорной речи вокативов, риторических вопросов, экспламативов и императивных высказываний, которые характерны для большинства языков, что не раз отмечалось в лингвистической литературе [1, с. 6; 3; 4, с. 194; 5; 8; 9 и мн. др.].

Тематика пьесы как текста драматического рода всегда прямо или косвенно связана с историческим контекстом. Благодаря текстовой вариативности автор может создавать различные социальные портреты персонажей, передавая особенности речи представителей различных слоёв общества, создавая дополнительные смыслы и влияя на восприятие реципиента в нужном продуценту текста направлении. Таким образом, текст пьесы становится документом, фиксирующим языковые реалии жизни, по которому можно наблюдать процессы, происходящие в речевой деятельности людей в разные исторические периоды, потому что он представляет собой синхронный срез определённой эпохи [7, с. 27].

Хотя все примерно представляют себе, что такое разговорная речь, единой и общепринятой дефиниции данного языкового феномена нет. В работе Г. Штегера 1967 г. мы находим определение разговорной речи как варианта использования языка в процессе говорения в отличие от письма как речевой деятельности [15, S. 42]. В. Д. Девкин, в свою очередь, пишет, что разговорная речь – основа существования языка, наиболее общая, самая естественная и доступная каждому его разновидность [6, с. 7]. Выделим основные черты явления: непринуждённость, несколько сниженный, спонтанный характер, устная, преимущественно ситуативно обусловленная, чаще диалогическая форма [6, с. 11]. Но прежде всего, разговорность ощущается благодаря своей оппозиции нейтральной

и официальной формам выражения. Она находится в определённых отношениях с литературной формой и в некоторых случаях не может не выходить за её рамки, нарушая при этом канонизированные нормы [6, с. 13].

В тексте драматического произведения такие нарушения воспринимаются как знаки, формирующие какой-либо персонажный портрет через разговорную речь, во-первых, и характеризующие стилистическую манеру письма автора фикционального текста, способного благодаря знанию особенностей этой речи, её симитировать, во-вторых.

Живая речь при переводе её в письменную форму претерпевает определённые преобразования, и вопрос о правомерности обозначения написанного в стиле разговорной речи, скорее всего, навсегда останется открытым. Но общепризнанный компромисс давно найден, и он объясняется следующими аргументами: 1) границы между устной и письменной речью постепенно сглаживаются, что заметно по значительному упрощению синтаксических структур и снижению стилистического уровня лексического наполнения в языке современных СМИ, рекламы, в разного рода сетевой коммуникации; 2) по результатам анализа Вернера Винтера, разговорная речь менее отклоняется от норм письменной речи, чем её письменная имитация [16, S. 140].

Для разговорной речи характерно:

- свободное выражение мысли без предварительной детальной подготовки;
- процесс говорения направлен на партнёра (партнёров) по коммуникации;
- внимание коммуникантов не фокусируется на форме сказанного [14, S. 57].

Диакронический анализ текстов драматического литературного рода

Перейдём к рассмотрению иллюстративного материала, в который включены тексты немецкоязычных пьес, созданные на разных исторических этапах и отражающие соответствующие литературные

эпохи. Сравнение текстов драматических произведений, написанных в разное время, – это задача, осложнённая тем обстоятельством, что мы не можем с уверенностью определить степень разговорности языковых элементов в текстах XIX в. и ранее, а лишь исходим из того, что вольное обращение с языком в те времена не приветствовалось.

Анализ начнём с фрагментов текста пьесы Ф. Шиллера «Коварство и любовь» („Kabale und Liebe“, 1784). Уже поверхностный взгляд на примеры (1) и (2) свидетельствует, что разговорная речь находит в них своё выражение. Хотя в XVIII в. в художественной литературе преобладала тенденция возвышения бытовой коммуникации до риторически организованной речи, придающей высказыванию выразительность и эмоциональную насыщенность, в пьесе Ф. Шиллера очевидны типичные черты разговорности. В ней представлены речевые портреты различных слоёв общества: музыкант Миллер с семьёй, принадлежащий немецкому бюргерству, и люди из мира придворной знати. Фрагмент (1) включает сцену возмущения виолончелиста в диалоге с женой, который боится потерять своё доброе имя из-за общения их дочери Луизы с сыном знатного вельможи.

(1) Miller: (schnell auf und ab gehend). Einmal für allemal./ Der Handel wird ernsthaft./ Meine Tochter kommt mit dem Baron ins Geschrei./ Mein Haus wird verrufen./ Der Präsident *bekommt Wind*, und – *kurz und gut*, ich biete dem Junker aus.

Frau: Du *hast* ihn nicht in dein Haus geschwätzt – *hast* ihm deine Tochter nicht nachgeworfen.

Miller: *Hab* ihn nicht in mein Haus geschwätzt – *hab* ihm's Mädels nicht nachgeworfen; *wer nimmt Notiz davon?* – Ich war Herr im Haus. Ich hätte meine Tochter mehr koram nehmen sollen (koram nehmen: zur Rede stellen). Ich hätte dem Major besser auftrumpfen sollen – oder hätte gleich alles Seiner Exzellenz dem Herrn Papa stecken

sollen. Der junge Baron bringt's mit einem Wischer hinaus, *das muss ich wissen*, und alles Wetter kommt über den Geiger¹.

Степень разговорности лексических единиц в контексте сегодняшнего дня неспециалисту по истории языка оценить довольно сложно, хотя элементы *von etw. Notiz nehmen* 'обращать внимание на что-либо', или устаревшее *j-m auftrumpfen* 'сказать кому-л. правду в глаза', *von etw. Wind bekommen* 'узнать о чём-то' и др. – воспринимаются как элементы литературно-разговорной окраски. На синтаксическом уровне признаки очевидны, они входят в приведённый выше перечень и включают краткие предложения, повторы, риторический вопрос, парантезы, эллипсис – *Einmal für allemal*.

Речь гофмаршала как представителя дворянства во фрагменте (2) включает не менее очевидные элементы разговорного стиля, хотя лексическое наполнение в нём носит скорее черты коммуникации представителей высшего общества:

(2) Hofmarschall: Das ist noch nicht alles. – Ein **Malheur** jagt heut das andere. Hören Sie nur.

Präsident (zerstreut): Ist das möglich?

Hofmarschall: Hören Sie nur. /Ich steige kaum aus dem Wagen,/ so werden die Hengste scheu,/ stampfen und schlagen aus, dass mir – *ich bitte Sie!* – der Gassenkot über und über an die Beinkleider sprüht. *Was anzufangen?* Setzen Sie sich um Gottes willen in meine Lage, **Baron**. Da stand ich/. Spät war es./ Eine Tagreise ist es – *und in dem Aufzug vor Seine Durchleucht! Gott der Gerechte!* – *Was fällt mir bei?* Ich fingiere eine Ohnmacht. /Man bringt mich über Hals und Kopf in die Kutsche. /Ich in voller Karriere nach Haus /– wechsele die Kleider /– fahre zurück /– *Was sagen Sie?* – und bin noch der Erste in der **Antischamber** – Was denken Sie?²

Автор даёт нам представление не только о социальной принадлежности персонажа через использование заимствований из французского языка (*Malheur, Antischamber*), номинации – *Durchleucht* (зд. Ваша светлость), названия одежды (*Beinkleider*) и обращения (*Baron*). Характер синтаксической организации высказываний не оставляет сомнения, что это – разговорная речь: экскламативы, риторические вопросы, парантез – *ich bitte Sie!*, инфинитивный эллипсис – *Was anzufangen?*

Шиллер имитирует речь придворного, рисуя его портрет через тематическую направленность его высказываний: решение проблемы появления при дворе Его светлости в подобающем виде, несмотря на неприятное происшествие с испачканными грязью на улице панталонами. В то же время реплики гофмаршала манифестируют его эмоциональное возбуждение, имитируя признаки спонтанного высказывания с типичным для него хаотичным ритмическим рисунком, в котором вопросы, подобные междометиям экскламативы, парантезы, краткие предложения, отражают состояние нетерпения и желания поведать о происшествии. Кроме того, в обоих примерах очевидны элементы диалогичности, направленности на партнёра по коммуникации, что выражается в императивных предложениях, обращениях, риторических вопросах.

В начале XIX в. в драматургии появляются тексты, в которых речь простого человека уже не превращается в патетический монолог, а пестрит пословицами и поговорками, в ней можно отметить частотный стилистический слом, отражающий типажность говорящего, спонтанность ощущается в разнообразных фигурах стилистического синтаксиса, таких как эллипсисы, апосиопезы, анаклюфы и т. п.

¹ Schiller F. Kabale und Liebe // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/Schiller_Friedrich/kabale_und_liebe.html (дата обращения: 10.03.2021).

² Schiller F. Kabale und Liebe // Электронная библи-

отека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/Schiller_Friedrich/kabale_und_liebe.html (дата обращения: 10.03.2021).

Комедия Генриха фон Клейста «Разбитый кувшин» („Der zerbrochene Krug“, 1811) предлагает в сюжете описание бытовой ситуации деревенской жизни в Нидерландах, что предопределяет характер речи действующих лиц пьесы. В данном тексте довольно ярко проявляются черты идиостиля автора, характерные для большинства его текстов. В прямую речь героев своих эпических произведений Клейст включает парантезы (вводные слова и предложения, часто в виде междометных высказываний), апозиопезис, анаколупф, эллипсис и т. п. К этому же приёму он прибегает и в своей известной комедии, актуализируя через речь действующих лиц моменты их замешательства, возмущения, недоумения, отчаяния или радости:

(3) **Adam:**

Hab ich ihm Schlingel, [партиципация]
Als er nach Utrecht vor acht Tagen ging,
Nicht die Perück' hier anvertraut, sie zum
Friseur, dass er sie renovire, hinzutragen?

Ruprecht:

Ob er –! Nun ja. Er gab mir – [апозиопезис]

Adam:

Warum hat er

Nicht die Perück', *Hallunke*, abgegeben?

[парантеза]

Warum nicht hat er sie, *wie ich befohlen*,

[парантеза]

Beim Meister in der Werkstatt abgegeben?

Ruprecht:

Warum ich sie –? Gott's, Himmel-Donner
– *Schlag!* [апозиопезис, междометное восклицание]

Ich hab' sie in der Werkstatt abgegeben.

Der Meister Mehl nahm sie...¹

Пьеса, как видно из фрагмента (3), написана в форме свободного стиха, поэтому ритм текста часто требует выпадения гласных в разных позициях слова (*Perück'*, *hab'*, *Gott's*), что всегда отличало разгово-

ворную речь на фонетическом уровне. Такие же проявления можно наблюдать и в (1), хотя их частотность в целом в тексте Шиллера несколько ниже.

Кроме этого, типичные для текста Клейста апозиопезисы, повторы, парантезы, междометные восклицания не просто имитируют разговорную речь, они выступают как знаки смятения и недоумения, т. е. эмоциональной реакции действующих лиц на ситуацию в контексте описываемых в пьесе событий.

На этом этапе наших рассуждений следует сказать о прагматической интенции использования элементов разговорного стиля речи в художественном тексте: это передача внутренних состояний персонажей, приближение их художественного образа к реальному человеческому характеру с его естественными реакциями на происходящее вокруг.

Обратившись к следующему хорошо известному немецкому драматургическому произведению – социальной трагедии «Войцек» Георга Бюхнера („Woyzeck“, 1836), мы переходим к новому временному отрезку в истории драматического жанра и хотим показать, что тенденция в отражении стиля разговорной речи принципиально не меняется.

Фигура Г. Бюхнера в немецкой литературе известна, прежде всего, благодаря его драматургии. Прожив всего 23 года (1814–1837), он написал мало, и «Войцек» считается самым значимым его текстом, который был напечатан только в 1875 г. С 1913 по 1933 гг. трагедия была инсценирована более 200 раз, что свидетельствует о невероятной актуальности её формы и содержания в период расцвета таких художественных направлений XX в., как натурализм, импрессионизм, экспрессионизм, новая деловитость и др.

История простого солдата, мучимого ревностью из-за измены жены и убитого её, раскрывается в репликах героев, несущих в себе черты коммуникации простого народа. Тот факт, что первый успех и достойное признание этот драма-

¹ Kleist H. von. Der zerbrochene Krug // ЛитРес: библиотека электронных книг. URL: <https://www.litres.ru/heinrich-von-kleist-9849846/der-zerbrochene-krug/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10.03.2021).

тический текст получил только в первые десятилетия XX в., доказывает возможность его актуализации независимо от времени написания. Стремление автора к реалистическому отображению действительности выразилось в этой пьесе чрезвычайно ярко, что в целом соответствовало настроениям иной, гораздо более поздней эпохи. В этом тексте появляются элементы диалекта, что со временем становится в немецкой драматургии естественным элементом, отображающим социально-территориальную специфику немецкоязычной речи. Фрагмент (4) иллюстрирует, какие элементы разговорной речи характеризуют данный текст:

(4) Hauptmann: Woyzeck, Er hat keine Tugend! /Er ist kein tugendhafter Mensch! / Fleisch und Blut? Wenn ich am Fenster lieg', wenn's geregnet hat, und den weißen Strümpfen nachseh', wie sie über die Gassen springen – verdamm't, Woyzeck, da kommt mir die Liebe! Ich hab' auch Fleisch und Blut. Aber, Woyzeck, die Tugend! Die Tugend! Wie sollte ich dann die Zeit rumbringen? Ich sag' mir immer: du bist ein tugendhafter Mensch – (gerührt:), ein guter Mensch, ein guter Mensch.

Woyzeck: Ja, Herr Hauptmann, die Tugend – ich hab's noch *nit* so aus. Sehn Sie: **wir gemeine Leut, das hat keine Tugend, es kommt nur so die Natur**; aber wenn ich ein Herr wär und hätt' ein' Hut und eine Uhr und eine Anglaise und könnt' vornehm *rede*, ich wollt' schon tugendhaft sein. Es muss was Schönes sein um die Tugend, Herr Hauptmann. Aber ich bin ein armer Kerl!

Hauptmann: Gut, Woyzeck. Du bist ein guter Mensch, ein guter Mensch. Aber du denkst zuviel, das zehrt; du siehst immer so verhetzt aus. – Der Diskurs hat mich ganz angegriffen. Geh jetzt, und renn nicht so; langsam, *hübsch langsam* die Straße hinunter!¹

Фрагмент (4) содержит все типичные элементы разговорной речи. Кроме повторов, кратких предложений, риторических вопросов, эллипсисов, экскла-

мативов и парантез, в реплике Войцека появляется анаколүф (выделено полужирным курсивом). Сбивчивость мысли протагониста передаётся с помощью синтаксиса, что можно рассматривать как маркер его внутренней неуравновешенности, с одной стороны, и как реализацию задачи её актуализации через имитацию разговорной речи, с другой.

Пьеса «Войцек», написанная в первой половине XIX в., стала тем произведением, которое обозначило развитие в литературе конца XIX и начала XX вв. направления натурализма. Его приоритеты, определяемые как попытка не отразить действительность, а запечатлеть мгновение реальной жизни и воспроизвести его, не обобщая, не приукрашивая и не оценивая, расширили границы изобразительных средств языка, вывели обценную лексику на сцену и, к счастью или напротив, разрушили ряд табуированных практик. В наше время мы всё больше видим, что авторы драматических текстов не видят смысла избегать ругательств самого низкого уровня вульгаризации языка.

Начало же этому было положено, в частности, Герхардом Гауптманом в его ранних драмах, среди которых пьеса «Ткачи» („Die Weber“, 1892) стала знаковой. На сцене появились представители самых бедных слоёв общества и стали говорить на диалекте, используя ругательства, которые до той поры не мыслимы были ни в художественной литературе, ни в театре.

(5) Pfeifer *hat Bäckers Webe untersucht, ruft: Bäcker dreizehntehalb Silbergroschen.*

Bäcker: Das is a schäbiges Almosen, aber **kee** Lohn.

Pfeifer: Wer abgefertigt is, hat's Lokal zu verlassen. Wir kenn uns vorhero nich riehren.

Bäcker, *zu den Umstehenden, ohne seine Stimme zu dämpfen*: Das is a schäbiges Trinkgeld, weiter **nischt**. Da soll **eens** treten vom **friehe** Morg'n bis in die sinkende Nacht. Und wenn man achtz'n Tage **ie-berm** Stuhle geleg'n hat, Abend **fer** Abend

¹ Büchner G. Woyzeck // BookRix: [сайт]. URL: https://www.bookrix.de/_ebook-georg-buechner-woyzeck (дата обращения: 10.04.2021).

wie *ausgewund'n*, halb *drehnig* vor Staub und Gluthitze, da hat man sich *glicklich dreiz'ntehalb Beehmen erschind't*¹.

Фрагмент (5) показывает, что автор не только переносит на сцену тематику бесед рабочих с начальством с их обоюдной агрессией и оскорблениями, но и усугубляет её формой презентации: это подлинный диалект в его приближённо аутентичном звучании, к чему стремился Гауптман в пьесе. Маркерами разговорности здесь выступают уже не столько лексико-грамматические элементы, сколько типичные для диалекта фонетические девиации языковой нормы: редукция окончаний, выпадение гласных в середине *dreiz'ntehalb* или конце слова – *Morg'n*, изменение звучания гласных: *kee* – *keine*; *nischt* – *nicht*; *glicklich* – *glücklich* и др.

Преимущественно лексика, а также синтаксис разговорной речи с нарушением нормативной структуры предложения, переданные в диалектальной форме, становятся яркой характеристикой текста социально-бытовой драмы Карла Цукмейера «Капитан из Кёпеника» („Der Hauptmann von Köpenick. Ein deutsches Märchen in drei Akten“, 1931). В ней сапожник с криминальным прошлым Вильгельм Фойгт, одевшись в форму капитана прусской армии, превращается в должностное лицо и с успехом реализует план по захвату бургомистра и городской кассы с помощью мобилизованного им караульного отряда гвардейцев.

Разговорная речь в этом тексте выдает социальный статус протагониста, принадлежащего к нижнему социальному слою, но позиционирующего себя как должностное лицо:

(6) „*Sagense det nich*, Herr Direktor! Der Mann is gar nich so uneben. *Det* wär Ihnen *jenau* so ergangen – det liecht in der Natur der Sache“².

В (6) очевидны все признаки берлинского диалекта как разговорной формы речи. Систематически повторяемый в пьесе вопрос: „*Wo hamse gedient?*“ отражает основной критерий достойного члена общества, который заслуживает доверия, только если он служил в армии.

Данные лингвистические параметры текста пьесы вскрывают и прагматическую интенцию социально-бытовой драмы в целом: критика общества, для которого мундир как принадлежность к касте военных важнее самого человека и его качеств. Речь действующих лиц отражает все характеристики стиля повседневного общения, реализуемые через всё те же особенности синтаксиса, о которых сказано выше (краткие предложения, анаколуф, парантезы, использование частиц и т. д.):

(7) Schneider Wabschke: Ick meine ja nur – *det Militär is ja sehr scheen*, aber es is *nu* wirklich nich det einzige uff de Welt. De Welt is groß, / und jeden Morjn jeht de Sonne uff. / Wenn eener jung is – / und jesund – / und grade Knochen hat – *ick meine* – wenn eener `n richtiger Mensch is, det is *doch* de Hauptsache, *nicht?*³

Диалект как основной признак устной коммуникации свидетельствует в (6) и (7) о том, что драма как литературный род не может обойтись без имитации языковых элементов повседневного общения, поскольку они придают тексту иллюзию аутентичности и позволяют, некоторым образом, реализовать социально-критическую позицию относительно существующего общественного правопорядка. Именно это и делает драматургию Германии первой половины XX в. более близкой адресату, чем лирическая поэзия или интеллектуальная художественная проза.

Прямо или косвенно доказательством этому становится творчество одного из

¹ Hauptmann G. Die Weber [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reclam.de/data/media/978-3-15-019364-8.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

² Zuckmayer C. Der Hauptmann von Köpenick. Ein deutsches Märchen in drei Akten [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.dtver.de/downloads/leseprobe/f---1152.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

³ Zuckmayer C. Der Hauptmann von Köpenick. Ein deutsches Märchen in drei Akten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dtver.de/downloads/leseprobe/f---1152.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

наиболее известных драматургов немецкого и мирового театра этого времени – Бертольда Брехта, который демонстрирует нарочитое стремление стать как можно ближе к зрителю, повлиять на его мировосприятие и активизировать его гражданскую позицию, что выразилось в народности его пьес, краткости и выразительности их формы. Социальный портрет персонажа был всегда чётко очерчен автором, что можно проиллюстрировать фрагментом из его драмы «Кавказский меловой круг» („Der kaukasische Kreidekreis“, 1944–1945):

(8) *Jüngere Dame*: Es ist schrecklich, wie überfüllt alles ist, und keine Fuhrwerke aufzutreiben! Mein Kutscher kehrte einfach um, ich bin eine ganze halbe Meile zu Fuß gegangen. Barfuß! *Meine persischen Schuhe*, Sie kennen die Stöckel! Aber warum kommt hier niemand?

Ältere Dame: Der Wirt lässt auf sich warten. Seit in der Hauptstadt diese Dinge passiert sind, gibt es im ganzen Land keine Manieren mehr¹.

Фрагмент (8) демонстрирует, как речевое поведение двух благородных дам, не понимающих ситуации войны, лишившей их привычного комфорта, становится их социально-личностной характеристикой. Синтаксический рисунок диалога несёт в себе черты разговорного языка благодаря нескольким восклицательным предложениям, которые передают эмоциональную реакцию на ситуацию. Анаколюф (*Meine persischen Schuhe, Sie kennen die Stöckel!*), соединяющий эллипсис и экскламатив с нарушением логической связи в структуре высказывания, маркирует личностные приоритеты персонажа.

Фрагмент (9) передаёт коммуникацию простых людей: судьи бедняков Аздака и одного из всадников – вооружённого солдата. Оба они находятся на одном уровне социальной лестницы, что отражает текст:

(9) *Azduk*: Was in Persien passierte, *Brüder*, was in Persien passierte.

Der zweite Panzerreiter: Und was passierte **denn** in Persien?

Azduk: *Vor 40 Jahren. Aufgehängt, alle. Wesire, Steuereintreiber. Mein Großvater, ein merkwürdiger Mensch, hat es gesehen. Drei Tage lang, überall.*

Der zweite Panzerreiter: Und wer regierte, wenn der Wesir gehängt war?

Azduk: *Ein Bauer.*

Der zweite Panzerreiter: Und wer kommandierte das Heer?

Azduk: *Ein Soldat, Soldat².*

Очевидно, что диалог, практически целиком состоящий из немногословных реплик, имеет все признаки разговорной речи: эллипсисы, назывные предложения, вопрос-переспрос, повтор. Но здесь, в отличие от предыдущих примеров, преследуется иная задача. В тексте не передаётся аутентичность говора или диалекта, так как представлена другая национальная культура, специфику разговорной речи который Брехт не мог бы передать в любом случае. Диалог служит выражению важнейших черт человеческих отношений, представлений о добре и зле в мыслях и поступках. Сами реплики в их содержательных и формальных компонентах направлены на точную передачу характера речевых актов в виде вопроса, удивления, возмущения, оценки.

На протяжении XX в. немецкоязычная драматургия менялась в соответствии с требованием времени, изменениями в идеологии, представлениями о приоритетах в социальной сфере, техническом прогрессе и проч. Пьеса-монолог Патрика Зюскинда «Контрабас» („Det Kontrabass“, 1981) рассказывает историю одинокого музыканта – несчастного «маленького человека», мечтающего о любви и признании. Композиция пьесы не ориентирована на диалог, это прямая речь образованного интеллигента, в которой разговорность скорее неуместна. И всё-

¹ Brecht B. Der kaukasische Kreidekreis. Berlin: eBook Suhrkamp Verlag, 2013.

² Там же.

таки автор не обходится без тех элементов, которые были приведены и перечислены выше. Их появление связано в первую очередь с выражением чувств, эмоционального возбуждения, трепета по отношению к тому, что составляет смысл жизни героя:

(10) Also: Sopran – *jetzt Beispiel* – als entgegenesetzteste, was sich zum Kontrabass denken lässt, menschlich und instrumentell-klanglich, wäre dann ... wäre dann dieser Sopran ... *oder Mezzosopran* ... genau jener Gegenpol, von dem aus ... oder besser: zu dem hin ... oder mit dem vereint der Kontrabass ... ganz unwiderstehlich – *quasi* – den musikalischen Funken schlägt, von Pol zu Pol, von Bass zu Sopran – *oder Mezzo hinaufzu, aufwärts* – allegorisch die Lerche ... göttlich, hoch da droben, in universaler Höhe, ewigkeitsnah, kosmisch, sexuell-erotisch-unendlich-triebhaft, gleichsam ... und doch eingebunden in das Spannungsfeld des Magnetpols, der vom Sockel des erdnahen Kontrabasses abstrahlt, *archaisch*, der Kontrabass ist archaisch, wenn Sie verstehen, was ich meine ... Und nur so ist Musik möglich¹.

Пунктирный ритм текста сложно воспринимать в режиме чтения. В сущности, перед нами текстовой фрагмент, представляющий собой один объёмный анаколюф, поскольку формально это одно предложение. Если разбить его на составляющие, это будет ряд апозиопезисов, перемежающихся с парантезами, эллипсисами и назывными одночленными высказываниями. Этот ряд начатых и незаконченных предложений создаёт впечатление спонтанно произносимой речи, имитирующей поток сознания в его произнесённой форме. Такой синтаксический рисунок отражает внутреннее состояние протагониста, его нестабильную психику, неспособность концентрироваться, определить направление пути в дальнейшей жизни.

¹ Süskind P. Der Kontrabass [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=1243593> (дата обращения: 10.03.2021).

На наш взгляд, современная немецкоязычная драматургия не отличается от предыдущих периодов её существования и развития в плане использования разговорной речи, которая остаётся важным элементом создания эффекта аутентичности диалогов в пьесах любых жанров. Авторы используют ругательства, вулгаризмы, называя вещи в соответствии с уже ставшими привычными клише.

Современный австрийский драматург Константин Кюсперт (Konstanton Küspert) пишет пьесы о том, что в последние годы получило особое распространение, что волнует его и о чём он хочет рассказать своему зрителю: о ксенофобии, о нежелании думать о больных и старых людях, которые отягощают общество своим видом, состоянием здоровья и т. п. В его пьесах эти темы находят неоднозначное, гротескное выражение. В написании текстов он игнорирует заглавные буквы, превращая текст в сплошной поток слов, где взгляд не останавливается на каких-то зрительных маркерах. В таком тексте разговорная речь с её паузами воспринимается как пунктир. Но всё, что было перечислено про особенности разговорной речи на синтаксическом уровне, остаётся актуальным, о чём свидетельствует фрагмент пьесы «Верно мыслить»² (перевод наш) („rechtes denken“, 2015). Во фрагменте (11) используемые в прошлом заимствования из французского сменились на английские слова, краткие предложения, типичные для спонтанной речи, характеризуют текст. Нарушение грамматической нормы в данном случае обусловлено намеренным выражением презрения к человеку как к некому чужому:

(11) *Bürger*: wir haben uns entschieden, /wir lassen *die* jetzt mal rein, /weil *die* sonst sterben, /und das können wir als humanisten nicht tatenlos mitansehen./ okay. /Willkommen. /ihr seid in sicherheit. aber nichts anfassen. nichts. /anfassen. /da bleiben. /nichts bewegen. /nichts kochen. /nichts arbeit. /

² Перевод наш – И. Ш.

okay? /nichts auffallen. /schnauze halten. / okay? /gut. /willkommen.

Mensch auf der Flucht: danke, mensch, das war knapp¹.

Имитация разговорной речи служит в (11) иллюстрацией отношения к беженцам как к людям второго сорта, которые не могут воспринимать литературную норму языка, для них следует выбирать односложные предложения, инфинитивные высказывания императивной семантики, указательные местоимения вместо личных, манифестирующие пренебрежение к человеку. Фрагмент позволяет понять, как с помощью элементов, свойственных разговорной речи, можно противопоставить смысл форме: содержание предложения «мы – гуманисты, решили принять вас у себя, так как иначе вы погибните...» контрастирует с последующими репликами: «Не трогать, не двигаться, не готовить, не бросаться в глаза и т. д.». Противоречие в форме и содержании вскрывает подлинный смысл текста, понимание которого отражено в ответной реплике беженца: «Это было кратко». Иносказательно этот краткий диалог отражает две позиции, символизирующие два разных мира с их приоритетами.

Заключение

Обобщая результаты проведённого анализа, можно сделать ряд выводов, которые наверняка нашли бы своё под-

тверждение при дополнении и расширении базы эмпирического материала. На данном этапе исследования отметим, что благодаря использованию элементов разговорной речи авторы драматических произведений могут решать разнообразные художественные задачи:

1) это способ приблизить форму и содержание текста пьесы к реальной жизни;

2) это возможность наглядно представить социальный, возрастной, гендерный статус персонажа, дать ему личностную характеристику;

3) в ряде случаев это позволяет определить территориальную идентификацию действующих лиц;

4) это способ передать эмоциональное состояние персонажа в определённой ситуации, его реакцию на действия или слова партнёра или партнёров по коммуникации;

5) это возможность передать скрытые намерения персонажей через конфликт формы и содержания речи;

6) это может быть одним из способов выражения критического отношения к обществу, его политическому устройству, его идеологическим установкам.

Представляется, что исследования в рамках данной темы могли бы показать и другие интересные закономерности художественной речи в драматических произведениях, интенцию их авторов и таким образом способствовать расширению компетентности лингвистов, всё менее работающих в области анализа художественного текста.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 3. С. 5–14. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.301.
2. Анисимова Н. П. Социо-культурный компонент в эволюции языка: от А. Мейе до В. Никеса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 288–290.
3. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Л.: Институт языкознания, 1990. 151 с.
4. Васильева А. А. Императивные высказывания – одна из форм репрезентации языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика.

- Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 185–195. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999. 776 с.
 6. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 265 с.
 7. Кострова О. А. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.
 8. Сергеева Т. А. Коммуникативные особенности риторических вопросов в диалогической речи // Диалог в диалоге: межвузовский сборник научных трудов. Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета, 1991. С. 57–62.
 9. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 3–24.
 10. Шипова И. А. Прагматика элементов разговорной речи в художественном тексте (на материале немецкого языка) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2014. № 1 (1). С. 59–64.
 11. Brinker Kl., Sager Sv. F. Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Vlg., 2010. 204 S.
 12. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982. 336 S.
 13. Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. H. Henne, H. E. Wiegand, H. P. Althaus. Berlin; Tübingen: Niemeyer, 1980. 870 S.
 14. Schank G., Schönthal G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. Tübingen: Niemeyer, 1983. 119 S.
 15. Steger H. Zwischen Sprache und Literatur. Drei Reden. Göttingen: Sachse & Pohl Verlag, 1967. 116 S.
 16. Winter W. Echte und simulierte gesprochene Sprache // Gesprochene Sprache. Jahrbuch 1972. Bd. 26. Sprache der Gegenwart. Düsseldorf: Schwann, 1974. S. 129–143.

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. [Addressing in oral speech and frames of social network]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2016, no. 3, pp. 5–14. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.301.
2. Anisimova N. P. [Social-cultural component in linguistic evolution: from Meillet to Nyckees]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Vestnik TvGU Series: Philology], 2015, no. 4, pp. 288–290.
3. Biryulin L. A., Khrakovsky V. S. *Funktional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa* [Functional and typological aspects of imperatives analysis]. Leningrad, Institut yazykoznavaniya Publ., 1990. 151 p.
4. Vasil'eva A. A. [Imperative statements – one of the forms of representation of a linguistic personality]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 185–195. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195.
5. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language description]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1999. 776 p.
6. Devkin V. D. *Nemetskaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika* [Spoken German: Syntax and Vocabulary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1979. 265 p.
7. Kostrova O. A. *Diskursivnye stereotipy: mezhkul'turnyi aspekt kontseptosfery* [Discursive stereotypes: the intercultural aspect of the concept sphere]. Samara, Volga State Social and Humanitarian Academy Publ., 2015. 208 p.
8. Sergeeva T. A. [Communicative features of rhetorical questions in dialogical speech]. In: *Dialog v dialoge* [Dialogue in dialogue]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1991, pp. 57–62.
9. Fortein E. [Polysemy of the imperative in the Russian language]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the study of language], 2008, no. 1, pp. 3–24.
10. Shipova I. A. [Pragmatics of informal speech elements in a fiction text (case study of the German language)]. In: *Evrasiiskii vestnik gumanitarnykh issledovaniy* [Eurasian Bulletin of Humanitarian Research], 2014, no. 1 (1), pp. 59–64.

11. Brinker Kl., Sager Sv. F. Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung. Berlin, Erich Schmidt Vrlg., 2010. 204 S.
12. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1982. 336 S.
13. Henne H., Wiegand H. E., Althaus H. P., Hrsg. Lexikon der germanistischen Linguistik. Berlin, Tübingen, Niemeyer, 1980. 870 S.
14. Schank G., Schönthal G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. Tübingen, Niemeyer, 1983. 119 S.
15. Steger H. Zwischen Sprache und Literatur. Drei Reden. Göttingen, Sachse & Pohl Verlag, 1967. 116 S.
16. Winter W. Echte und simulierte gesprochene Sprache. In: *Gesprochene Sprache. Jahrbuch 1972. Bd. 26. Sprache der Gegenwart*. Düsseldorf, Schwann, 1974, S. 129–143.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; e-mail: schipowa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Shipova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University; e-mail: schipowa@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шипова И. А. Разговорная речь в контексте драмы как литературного рода (на материале немецкоязычных пьес) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 137–150.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-137-150

FOR CITATION

Shipova I. A. Colloquial speech in the context of drama as a literary genre (based on German-language plays). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 4, pp. 137–150.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-137-150